

Голубева Татьяна Ильинична, Фирсова Светлана Владимировна

ПОВЕСТВОВАНИЕ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА КАК ОДНА ИЗ ОСНОВНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ТЕКСТОВ АВТОБИОГРАФИЙ

Повествование от первого лица единственного числа является жанровой особенностью текстов автобиографий. Автор является и рассказчиком, и главным действующим лицом. Выделяются два типа такого повествования - объективное и субъективное. Для произведений автобиографического жанра характерно значительное (но не исключительное) преобладание субъективной формы повествования от первого лица. Однако, стремясь донести до читателя объективную информацию, "скрыть" субъективность, автор вынужден переходить к повествованию от первого лица множественного числа, третьего лица к неопределенно-личному повествованию.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/6-2/17.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (48): в 2-х ч. Ч. II. С. 65-68. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

значений глаголов *hear* (слышать), *read* (читать) (M_2) > *see* (видеть) (P), которые в контексте становятся стилистически окрашенными: с глаголами *hear* и *read* автор связывает то, что не познано, с глаголом *see* – познание красоты, а также дается гиперболическое восприятие красоты вообще: все человечество делится на тех, кто видел Венецию и познал красоту, и тех, кто не видел этого города и, следовательно, не познал красоты.

Завершая описание исследования темпоральной структуры текстов личностно-психологических дневников, следует подчеркнуть, что характер взаимодействия реального и мемуарного времен (по моделям соположения, наложения и противопоставления) углубляет авторское отражение социально-исторического времени, авторскую субъективность и ценностные ориентиры в освещении временных событий. В результате лежащая в основе дневниковых записей содержательно-фактуальная информация приобретает элементы содержательно-концептуальной информации.

Список литературы

1. **Голубева Т. И.** Темпоральная структура текстов дневников и воспоминаний (на материале английских и американских авторов XIX и XX веков): дисс. ... к. филол. н. М., 1990. 207 с.
2. **Левковская Н. А.** Организующая роль ретроспекции в системе категорий текста мемуарной литературы // Сборник науч. трудов МГПИИЯ им. М. Тореца. М., 1985. Вып. 245. С. 81-89.
3. **Cooper F.** The Letters and Journals of Cooper. Cambridge. 1960. Vol. I. 444 p.
4. **Dana H.** The Journal of R. H. Dana. Cambridge. 1968. Vol. 1-3. 1201 p.
5. **Driberg T.** The Best of Both World. A Personal Diary. Ind., 1953. 1201 p.
6. **Scott W.** The Journal of Sir Walter Scott. Oxford, 1972. 812 p.
7. **Taylor A.** An Old Man's Diary. London., 1984. 155 p.

TIME IN THE WORKS OF MEMOIR LITERATURE (BY THE MATERIAL OF DIARIES)

Golubeva Tat'yana Il'ichna, Ph. D. in Philology, Associate Professor

Poshivailo Sergei Pavlovich

State University of Management in Moscow

paloma60@mail.ru; poshsp@mail.ru

The specificity of time in the texts of memoir literature is characterized by multi-layer nature, complicated time relations between real and memoir time. The analysis of the texts of diaries has shown that the character of the interaction of time planes depends on the type of the diary: informative-fact or personal-psychological. Informative-fact diaries differ by simpler temporal structure in comparison with personal-psychological ones.

Key words and phrases: memoir literature; diary; real time; memoir time; temporal structure.

УДК 81'373:811.11

Филологические науки

Повествование от первого лица единственного числа является жанровой особенностью текстов автобиографий. Автор является и рассказчиком, и главным действующим лицом. Выделяются два типа такого повествования – объективное и субъективное. Для произведений автобиографического жанра характерно значительное (но не исключительное) преобладание субъективной формы повествования от первого лица. Однако, стремясь донести до читателя объективную информацию, «скрыть» субъективность, автор вынужден переходить к повествованию от первого лица множественного числа, третьего лица к неопределенно-личному повествованию.

Ключевые слова и фразы: повествование; жанр; автобиография; объективная информация; субъективная информация.

Голубева Татьяна Ильинична, к. филол. н., доцент

Фирсова Светлана Владимировна

Государственный университет управления, г. Москва

paloma60@mail.ru; sfirsova@pochta.ru

ПОВЕСТВОВАНИЕ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА КАК ОДНА ИЗ ОСНОВНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ТЕКСТОВ АВТОБИОГРАФИЙ[©]

Характерной чертой текстов автобиографий является полное совмещение (наложение) двух планов авторского «я», автор является и рассказчиком, и главным действующим лицом произведения автобиографического жанра. Как повествователь, автор «учит» читателя, так как он выполняет образовательную функцию.

Как главный «герой», обобщая накопленный жизненный опыт, «он вновь переживает и учится из опыта своих дней, радости, вины и зла» [4]. Данная специфика образа автора автобиографии делает повествование от первого лица единственным числом их жанровой особенностью.

Рассматривая повествование от первого лица единственного числа, некоторые исследователи выделяют два типа такого повествования – объективное и субъективное, объективной формой считая такой тип повествования, при котором «повествователь находится вне или на периферии события и довольствуется ролью корреспондента, наблюдателя, свидетеля» [1, с. 98]. Нам, однако, не представляется правомерным четкое разграничение повествования от первого лица на объективное и субъективное. Для субъективной формы повествования от первого лица характерно большее ощущение индивидуальности. Нельзя говорить о чисто объективной или субъективной форме повествования от первого лица, возможна лишь большая степень объективности или субъективности повествования данного типа.

В автобиографии повествователь находится в центре событий, он – то основное, что стоит в центре повествования. Согласно рассмотренной выше точке зрения, мы должны были бы назвать такое повествование чисто субъективным. Однако вряд ли правомерно говорить о чисто субъективной форме повествования – это противоречит основной установке мемуарной литературы – «установке на подлинность» [Там же, с. 113].

Таким образом, для произведений автобиографического жанра мы считаем возможным говорить о значительном, но не об исключительном, преобладании субъективной формы повествования от первого лица. Как отмечалось выше, повествование от первого лица – не прием, а характеристика, стилевая особенность автобиографического текста. «Я-повествование» в произведениях данного типа функционально – ведь, создавая автобиографию, автор должен «вскрыть» свой внутренний мир, должен «пропустить» через себя все события, факты, чтобы показать читателю процесс становления своей личности.

В произведениях автобиографического жанра речь автора – не стилистическое средство, а указание на то, что сам автор является одновременно и главным действующим лицом произведения, что отличает повествование в автобиографии от повествования от первого лица в художественной литературе. Такая форма повествования в произведениях автобиографического жанра означает то, что автор является одновременно прямым источником (средством) коммуникации и основным участником коммуникации.

Факт обязательной стилевой особенности повествования от первого лица единственного числа часто подчеркивается и самими авторами автобиографических произведений. Так, Генри Тафтс, бывший преступник, в своей автобиографии-оправдании замечает, что не может избежать частого использования местоимения «I» – это невозможно, когда «герой» произведения и повествователь – одно лицо:

“I would if were possible to pursue this history without repeating, so frequently, the pronoun I, but when the hero of the piece is the relator also, egoisms are unavoidable. I must therefore bespeak indulgence in that behalf” [7, p. 33]. / «Я бы, если это было возможным, продолжил эту историю, не повторяя так часто местоимение “я”. Но когда “герой” произведения и повествователь – одно лицо, это неизбежно. Поэтому я прошу быть снисходительными». Повествование от первого лица единственного числа – основной тип повествования текста автобиографии.

Например, в финальном фрагменте из автобиографии известной американской актрисы Лорен Бэкол, составляющем всего шесть строк, мы видим одиннадцать раз повторяющееся местоимение первого лица единственного числа «I». И это не случайно. Всем своим произведением Бэкол показывает нам, как она стала актрисой, какую роль сыграла ее творческая личность в современном кинематографическом искусстве, и 11 раз повторяющееся «навязчивое» «I» свидетельствует о стремлении актрисы усилить эту мысль, донести ее до сознания каждого читателя.

...That was when I decided to write this book. I felt I might be able to do it... Maybe it would help me to discover something about myself, to add it all up. What I am – and why. How I got there... I am not ashamed of what I am – of how I pass through this life... I am not just taking up space in this life [3, p. 42]. / ...Это произошло, когда я решила написать книгу. Я чувствовала, что я в состоянии это сделать. Возможно, это поможет мне разобраться в себе, открыть что-то новое, понять – кто я есть и как я добилась всего. Я не стыжусь того, кто я есть и как я иду по жизни... Я не просто занимаю место в этой жизни.

Характерной чертой автобиографии является, как известно, «открытое присутствие автора». Что касается данного произведения, то актриса не только «все время присутствует», она непосредственно обращается к читателю, эксплицитно выражая свои мысли, взгляды, идеи. Именно поэтому здесь не характерен переход к неопределенно-личному повествованию, к повествованию от третьего и даже от первого лица множественного числа. Все время говоря «я», актриса как бы вновь и вновь подчеркивает основную цель своего произведения – рассказать о себе, о своем творческом пути, раскрыть читателю свою душу, поделиться с ним своим самым сокровенным, осмыслить свою жизнь (*Maybe it would help me to discover something about myself, to add it all up. What I am and why. How I got there* [Ibidem]). / *Возможно, это поможет мне разобраться в себе, открыть что-то новое, понять – кто я есть и как я добилась всего*).

Анализ ряда произведений автобиографического жанра показал, что с целью обобщения, с одной стороны, с целью преодоления субъективного «я», создания впечатления объективности повествования – с другой, авторы прибегают не только к повествованию от первого лица множественного числа, но иногда и к повествованию от второго и третьего лица единственного числа, к неопределенно-личному повествованию.

Рассказывая читателю о том, как нужно писать пьесы, известный американский писатель А. Милн, отказываясь от повествования от первого лица единственного числа, переходит к неопределенно-личному повествованию (форма 2 л.).

A plan can be based upon Theme, Story or Character. If you base it upon a theme then you must invent a story which will exhibit the character. The story is necessary in any case, and will be the main interest for many of the audience, but it will not necessarily be the main interest for the author [6, p. 97]. / План может основываться на теме, истории или характере. Если вы основываетесь на теме, то вы должны придумать историю, в которой будет характер. История необходима в любом случае, и эта история вызовет основной интерес у большинства читателей, но совсем не обязательно, что она будет представлять основной интерес у автора.

В своем произведении А. Милн довольно часто переходит к неопределенно-личной форме повествования именно там, где выражает свои творческие убеждения, то есть те выводы, к которым пришел, обобщая свой творческий опыт, описывая становление своего творческого «я».

A good title for the autobiography of any writer would be "It's Too Late Now". This does not mean that if I had my life again I should be an engineer or a clergyman, or a stockbroker or a better man, and that unfortunately it is too late now to be any of these things. It means that heredity and environment make the child, and the child makes the man, and the man makes the writer, so that it is too late now – it was probably too late forty years ago – for me to be a different writer... One writer in a certain sort of way because one is a certain sort of person, one is a certain sort of person because one has had a certain sort of life. This is the life [Ibidem, p. 121]. / Хорошее название автобиографии любого писателя – «Слишком поздно». Это не означает, что если бы у меня была вторая жизнь, я бы стал инженером, священником, биржевым маклером или кем-то лучше, а сейчас, к сожалению, уже слишком поздно. Это значит, что наследственность и окружающая среда влияют на ребенка, ребенок превращается в мужчину, а мужчина в писателя. Это значит, что сейчас уже поздно что-либо менять. Для меня поздно было уже сорок лет назад, и мне не стать другим писателем. Писатель не может изменить себя, не может писать по-другому, таким его сделала жизнь.

В данном отрывке мы видим тесное переплетение повествования от первого лица и неопределенно-личного повествования. А. Милн, с одной стороны, говорит о себе, о том, что он не мог стать никем иным, кроме как писателем (*I had / я был, I should be / мне следовало быть*), с другой же стороны, автор высказывает свои мысли по поводу того, что определяет судьбу писателя, почему определенный человек становится именно писателем, что определяет творческий почерк писателя. Милн хочет доказать читателю, что писатель не в силах изменить себя, заставить себя писать как-то по-другому и о другом, ведь таковым его сделала сама жизнь. Чтобы выразить свои обобщения, выводы, Милн переходит к неопределенно-личному повествованию в данном фрагменте автобиографии (*title would be / название было бы, this doesn't mean / это не означает, it is / это, it means / это означает; the child makes / ребенок создает; the man makes / человек создает; this is / это, etc / и т.д.*), использование этой формы вовлекает читателя в беседу, в рассуждение, создает «атмосферу доверия», помогает автору силой обобщения убедить читателя в том, что он сам считает основным (при создании пьесы необходим сюжет, как для раскрытия характера, так и для полного освещения темы). Все время прямо обращаясь к читателю (*You base / вы основываетесь; you must invent / вы должны придумать*), Милн создает иллюзию того, что читатель сам пришел к этим выводам. Имплицированная форма подачи своих обобщений создает впечатление объективности, к которой стремятся авторы автобиографических произведений [Там же].

Переходя к повествованию от третьего лица, автор также преследует определенные цели. Так, например, Рокуэлл Кент перед каждой главой дает краткое, сжатое ее содержание в форме третьего лица, стремясь сохранить видимую отстраненность: так повествование «звучит объективнее».

Переходя к повествованию в форме третьего лица, автор облегчает себе задачу тогда, когда ему нужно описать свою внешность, определенные привычки – такие описания в форме первого лица не свойственны произведениям автобиографического жанра.

He is not tall, being no more than five feet mine... His eyes are brown; his brow is lofty. His mouth is generous as – he thinks – mouths should be. But his chin, on the other hand, is decidedly stringy, giving his profile the look, as his mother described it, of a duck about to quack [5, p. 132]. / Он не высокий, не выше моих пяти футов... У него карие глаза, высокий лоб. У него благородный рот, такой, каким он и должен быть. Но его подбородок – вытянут, что делает его похожим на крякающую утку.

Мы видим, таким образом, что, с одной стороны, повествование от первого лица единственного числа в автобиографических произведениях – характерная черта текстов данного типа, их жанровая особенность. С другой стороны, цель автобиографии – донести до читателя объективную информацию, сообщить читателю достоверные сведения – заставляет автора стремиться «скрыть» субъективность, переходить к повествованию от первого лица множественного числа, третьего лица и к неопределенно-личному повествованию.

Список литературы

1. Брандес М. П. Стилистика немецкого языка. М.: Высшая школа, 1983. 271 с.
2. Голубева Т. И. Темпоральная структура текстов дневников и воспоминаний (на материале английских и американских авторов XIX и XX веков): дисс. ... к. филол. н. М., 1990. 207 с.
3. Bacall L. Lauren Bacall by Myself. Ballantine Books. N. Y., 1981. 506 p.
4. Howarth W. L. Some Principles of Autobiography. Autobiography. Essays Theoretical and Critical. New Jersey: Princeton Univ. Press, 1980. P. 84-114.
5. Kent R. It's Me O Lord: Autobiography of Rockwell Kent. N. Y.: Dodd, Mead & Co., 1955. 241 p.
6. Milne A. A. Autobiography. E. P. Dutton & Co., Inc. N. Y., 1935. 315 p.
7. Taft H. W. Formal Autobiographies and Informal Exploitations Taft H. W. Opinions, Literary and Otherwise. Lnd, N. Y., Macmillan, 1934. P. 31-60.

FIRST-PERSON NARRATION AS ONE OF THE MAIN LINGUISTIC CHARACTERISTICS OF AUTOBIOGRAPHICAL TEXTS

Golubeva Tat'yana Il'ichna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Firsova Svetlana Vladimirovna

State University of Management in Moscow
paloma60@mail.ru; sfirsova@pochta.ru

First-person narration in the singular is a genre peculiarity of the texts of autobiographies. The author is both a narrator and protagonist. There are two types of such narration – objective and subjective. For the works of autobiographical genre the significant (but not exclusive) prevalence of the subjective form of first-person narration is typical. However, trying to convey objective information to the reader and to “hide” subjectivity the author has to change from first-person narration in the plural, third-person narration to indefinite-personal narration.

Key words and phrases: narration; genre; autobiography; objective information; subjective information.

УДК 81'42

Филологические науки

Статья посвящена рассмотрению протективных знаков в лингвосемиотике образовательного дискурса. Эзотерика является совокупностью явлений, которые недоступны рациональному анализу человеком, вследствие чего возникают различного рода суеверия. В данной статье мы обращаемся к школьным суевериям британских учащихся, выполняющим функцию защиты школьника от плохой оценки или наказания учителя. На основе выводов представлена типология школьных протективов образовательного дискурса, включающая суеверные артефакты, глоттонимы, антропонимы, зоонимы, соматические знаки, колоронимы, нумеронимы и ритуальные знаки.

Ключевые слова и фразы: лингвосемиотика; образовательный дискурс; протективные знаки; суеверные артефакты; глоттонимы; антропонимы; зоонимы; соматические знаки; колоронимы; нумеронимы; ритуальные знаки.

Гончарова Дарья Анатольевна

Волгоградский государственный университет
goncharovadasha2012@yandex.ru

ПРОТЕКТИВНЫЕ ЗНАКИ В ЛИНГВОСЕМИОТИКЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ДИСКУРСА®

Обучение всегда сопровождалось ситуациями, в которых школьники использовали протективные меры, будь то эзотерика или магия. Именно поэтому в семиотике образовательного дискурса широко актуализируются так называемые протективные знаки, выполняющие функцию защиты школьника от плохой оценки или наказания учителя.

Природа протективных знаков предрассудочна. «Лингвосемиотика предрассудка представляет собой сложное структурное образование, координатами которого выступают эзотерические феномены универсального характера, основанные на древнейших представлениях о высших силах добра и зла, удаче, магии, личностных переживаниях, формирующихся у представителей определенного этноса под влиянием специфики его бытия и порождающих иррациональные страхи и поверхностные суждения; межличностных негативных взаимодействиях, возникающих в результате психологических установок и коммуникативных практик, препятствующих адекватному восприятию объекта и искажающих его, являющихся следствием не критического восприятия информации и ее использования» [1, с. 75].

К эзотерическим феноменам относится широкий спектр явлений, недоступных рациональному анализу человеком и вследствие этого являющихся основой возникновения суеверий разного рода (*superstitions*). Личностные переживания связаны с немотивированными реакциями на страхи, вызываемые окружающим миром, и порождают предрассудки (*prejudices*), которые сопровождают человека на протяжении его жизни, сохраняя свою устойчивость даже в том случае, когда сами страхи беспочвенны. В основе предвзятого межличностного взаимодействия лежит социально-маркированная оппозиция «свой – чужой», построенная на расовых, этнических, возрастных, гендерных, статусных, политических и прочих предубеждениях (*biases*)» [3, с. 5].

Суеверия, предрассудки и предубеждения дефинированы в англоязычных толковых словарях следующим образом:

Superstition – 1. A belief or action that is not based on reason or evidence [7]. 2. An irrational belief that an object, an action, or a circumstance not logically related to a course of events influences its outcome. 2. a. A belief, practice, or rite irrationally maintained by ignorance of the laws of nature or by faith in magic or chance. b. A fearful or abject state of mind resulting from such ignorance or irrationality. c. Idolatry [6]. A belief which is not based on reason or fact but on old ideas about luck, magic, and supernatural forces [4].